

**«...НАДЕЮСЬ..., ЧТО НЕДОБРЫЕ СЛУХИ О ВАС – ПРЕОТВРАТИТЕЛЬНАЯ КЛЕВЕТА»:
К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОСТИ ПРИХОДСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ**

© 2014 А.Г. Фот

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 13.03.2014

В данной статье на основе анализа конкретных примеров рассматривается вопрос о нравственности приходского православного духовенства Оренбургской епархии в 60-70 годы XIX века. Опираясь на архивные документы, автор делает вывод о возможных причинах безнравственного поведения священнослужителей. Статья выполнена в рамках исследования повседневной жизни провинциального приходского православного духовенства.

Ключевые слова: православное приходское духовенство; Оренбургская губерния; поведение; нравственность.

Повседневная жизнь различных категорий населения Российской империи как самостоятельная сфера исторических исследований в последние десятилетия получает все более широкое освещение. Неподдельный интерес вызывает, прежде всего, региональный аспект этих проблем¹. Исследователи обращаются к различным составляющим повседневности, в том числе к анализу поведенческих практик и их нравственной основы.

Вопрос о нравственности духовенства в отечественной историографии специально не рассматривался, но в ходе изучения его повседневности многие исследователи затрагивали эту проблему. В дореволюционной историографии этого вопроса впервые коснулся тверской священник И.С. Беллюстин. В своем исследовании он выявил пороки во всех сферах жизни духовного сословия². В ответ на его работу был выпущен сборник «Русское духовенство», где предпринималась попытка сгладить негативную оценку морального облика духовного сословия, данную И.С. Беллюстиным. При этом для придания публикации большей объективности критика нравственных устоев в среде священнослужителей в небольшом объёме всё же присутствовала³. О нравственности чёрного и белого духовенства также рассуждал митрополит Антоний (Храповицкий), написавший статью в ответ на возрастающую критику сословия в прессе⁴.

После октябрьской революции сложились неблагоприятные условия для изучения духовенства. В соответствии с новыми идеологическими установками авторы акцентировали своё внимание на неканоническом поведении свя-

щеннослужителей, утверждая, что именно такой образ жизни был для них обычным явлением. Особенно чётко эту позицию выразил Е.Ф. Грекулов в работе «Нравы русского духовенства»⁵.

Современная историческая наука в известной мере освободилась от идеологических ограничений. Тверская исследовательница Т.Г. Леонтьева⁶ пришла к выводу, что нравственный облик священнослужителей в значительной мере зависел от обстоятельств, в которые их ставила обыденная жизнь и политика государства. Неканоническому поведению духовенства часто способствовали сами прихожане. Аналогичной точки зрения придерживаются Т.А. Берштам и А.В. Скютнев⁷.

В настоящей статье предпринимается попытка на основе материалов из архивного фонда Канцелярии епископа Оренбургского и Уральского сформировать представление о нравственности приходского духовенства Оренбургской епархии в 60-70 годы XIX века.

Приходской священник должен был быть духовным руководителем или, как ещё говорят, пастырем вверенного ему прихода. В обязанности священнослужителя любого ранга входило: «учить, служить и руководить»⁸. Как духовный учитель он был обязан наблюдать за религиозно-нравственной жизнью своих прихожан, направлять их в вере и христианской жизни, как в церкви, так и вне ее, отвращать при всяком удобном случае от всяких суеверий и вразумлять заблуждающихся. Он имел право исправлять духовными наказаниями (епитимьями) нерадивых в исполнении христианских обязанностей. О вредных и нераскаянных злодеях, о смутьянах, производящих в народе соблазн, он был обязан сообщать своему начальству. Долгом священни-

Фот Алёна Гергардовна, аспирантка кафедры истории России. E-mail: fotalena@mail.ru

ка являлась забота об обучении детей прихожан началам христианской веры, заповедям и молитвам, а также грамоте. Он должен был устроить церковно-приходскую школу и при содействии членов причта обучать детей, также наблюдать за религиозно-нравственным направлением обучения детей в других школах его прихода⁹.

Основной обязанностью приходского священника являлось отправление богослужений, которые состояли из постоянных церковных служб, совершающихся для всех христиан в определенное время, и повременных, совершавшихся по требованию и нуждам отдельных членов церкви и называющихся требами, к которым относились крещение, исповедь, брак, погребение¹⁰. Привычным делом для священника было служить внеурочно. Исповедовать умирающего или крестить слабого младенца могли позвать в любое время суток. Батюшке приходилось проводить освящение домов и других построек, пастбищ и иных хозяйственных объектов; совершать молебны при начале и завершении полевых работ; нарекать младенцев, причащать больных. Кроме исполнения треб священник читал большое количество молитв. Наиболее часто прихожане просили священника совершить молитву об урожае, умножении скота, здоровье роженицы, поминальную молитву по умершим родителям, пасхальные молитвы и т.п.¹¹ Являясь настоятелем церкви, священник был обязан следить за благоустройством церкви и ее имуществом, за церковным порядком и благочинством. Вместе с причтом и церковным старостой он заведовал церковным хозяйством. На его ответственности лежало исправное ведение всех церковных актов, документов и всего письменного делопроизводства, относящегося к церкви. По отношению к прочим членам причта священник являлся их руководителем и наблюдал за их благонравным поведением и исправным исполнением должности¹².

Таким образом, круг обязанностей приходского священника достаточно широк и не позволял избегать ежедневных тесных контактов с прихожанами и причтом. Духовное лицо, в силу специфики профессии, должно было соответствовать своей социальной роли не только на работе, но и вне ее. Любое действие священнослужителя становилось публичным, и потому он должен был своим внешним видом и поведением являть пример для прихожан. Единичный поступок бросал тень на все духовенство.

При таком положении дел кодекс морально-этических норм, предъявляемых к священнику, был предельно жестким. Батюшка должен был

быть: «не пьяница, в домостроении своем не ленивый, не клеветник, не сварлив, не любодей, не бийца, в воровстве и обманстве не обличенный», но «независтлив и кроток»¹³. Последнее удавалось далеко не всегда. Священнослужители порой, несмотря на свой сан, давали волю своему гневу и презрительному отношению к тем, кто, по их мнению, был ниже по положению.

Этот тезис иллюстрирует «покорнейший рапорт» священника Петра Пономарева, поданный в канцелярию епископа Оренбургского и Уральского 17 мая 1869 года. Пономарев писал, что вновь определенный в село Исаево священник Владимир Малицкий «выказал неудержимость своего характера»¹⁴. Поскольку отцу Малицкому в этот день предстояло в первый раз служить на новом месте, Пономарев «...как не служащий помыслил братски заменить его и отправился после утрени с обоими причетниками отслужить два молебна в дальнем приходе и напутствовать больного оставив о. Малицкого с диаконом Шишковым на свободе приготовиться к литургии»¹⁵. Возвращаясь, Пономарев услышал благовест к литургии и «зная, что нужен причетник для чтения часов, будучи на подводе вместе с крестьянином Петром Никульшиным говорю ему, чтобы догнал впереди едущих причетников и одного послал бы сей час к церкви, но Никульшин почти всегда читающий часы вызвался на то сам и отправился прямо к церкви»¹⁶. Очевидно, достоинство священника было задето тем, что облачаться перед службой ему помогал не причетник, а крестьянин, и он «подаваемый ему пояс и поручи будто бросал на пол, говоря подающему: подай причетника»¹⁷. Сам Пономарев при этом не присутствовал и описывал случившееся со слов дьякона Шишкова. Однако вскоре ему представилась возможность убедиться в несдержанности нового священника лично.

«В неделю Пасхи после литургии во время чтения благодарственных молитв и вынесения дьяконом святых даров... сторож не успел вынести супруге о. Малицкого просфору»¹⁸. Ситуация явно не стоила того, чтобы подымать крик, но, как следует из рапорта, отец Малицкий разошелся не на шутку: «узнав это он вспылал начал всячески бранить бледнеющего и краснеющего сторожа, сам в то время, разоблачаясь и бегая как бесноватый вокруг престола. И стал утихать тогда только, когда заметил что я ещё здесь, а не ушёл. Всё это было при моих глазах»¹⁹. Разногласия тогда удалось разрешить, и жалоба «куда следует» так и не была направлена, но отца Малицкого это, похоже, ничему не научило. «При начале вечера в 1-й день Пасхи о. Малиц-

кий разразился гневом своим на того же сторожа за то что тот не успел разжечь углей для кадила. Тем вечером заставил он его отправить под арестом к становому приставу. Сторож этот на утро жестоко заболел и через неделю лёг во гроб»²⁰. Скоропостижная смерть сторожа и описанные события могли быть никак не связаны между собой, тем не менее Пономарёв винил в случившемся именно Малицкого: «известно, что от сильных огорчений люди заболевают к смерти»²¹. О том, насколько Пономарев был беспристрастен, когда писал свой рапорт, судить сложно: об обстоятельствах инцидента расследование не проводилось, а возможно, материалы дела просто затерялись. Следует отметить, что отношения между Малицким и Пономаревым на момент написания жалобы были напряженными. Отвечая на возможный вопрос начальства о том, почему сообщение о проступках отца Малицкого поступило не сразу, священник писал: «причиной было то что я был сильно расстроен распросами епархиального начальства относительно самого себя и в то же время не имел покоя от отца Малицкого который стремился всеми силами втоптать меня в грязь... В великие дни страстной и светлой седмицы я подобно арестанту вынужден был безвыходно сидеть в доме по той причине, что был сочтён возмутителем прихожан. Как милости я старый не без заслуг священник вынужден был просить у священника, который моложе моего старшего сына, позволения служить с ним в святой день Пасхи – и то официальным путём а без этого высочайшего блага вкусить трапезы Господней в толь светлый и торжественный для всех христиан дней»²². За такое обращение Пономарев вполне мог затаить обиду.

Помимо обвинений в гневливости встречались и жалобы на откровенно безнравственное поведение священников.

Священника Звериноголовской станицы Челябинского уезда Григория Добровидова подозревали в целом ряде серьёзных проступков: «будто он по целым ночам проигрывает в денежную карточную игру с чиновниками, грабил, когда был благочинным, нещадно причт и церковных старост. Такой побор проводился в мае, июле и в конце декабря. Как вдовый человек будто бы вытеснил свою мать и тещу, и взял к себе какую то ключницу, с которой живёт вместе, будто как с женою. Однажды дьякон Звериноголовской станицы Алекторов видел, что он в полупьяном виде пришёл в баню, Алекторов выбил раму так как двери были заперты и выгнал Добровидова с его блудницей. Также при крещении младенцев для освящения воды молитв не читает, а

только вливает из какой либо бутылки графина или склянки воду, должно быть прежде освящённую. Причетников посылал на своих собственных лошадях развозить пособия сиротам духовного звания. Богатство говорят им приобретено неправедным путём»²³. В результате секретного дознания нашло подтверждение и пристрастие Добровидова к картам, и нарушения при обряде крещения²⁴. Не вызывало сомнения и его сожительство с ключницей. Последнее, на наш взгляд, было продиктовано естественным для лишённого домашнего уюта человека желанием обрести полноценную семью. Но по церковным канонам для священнослужителя, даже в случае раннего вдовства, второй брак был невозможен, Добровидов не мог придать этим отношениям официальный характер. Он сделал эту женщину хозяйкой в своём доме: «допустил её распоряжаться всею своею домашностью, отделяя её длительно от прочей прислуги»²⁵, познакомил со своим детьми, «два раза даже ездил с ней в Уфу, где обучаются его дочери»²⁶. В этой ситуации конфликт между ней, матерью и тещей Добровидова был неизбежен. «Грубое обращение девки этой с тещей и матерью о. Добровидова, было причиною, что первая, не вытерпев такой обстановки, почти с самого начала ея отошла от него и скиталась в той же станице по квартирам»²⁷, однако весной по предложению священника вернулась в дом, а его мать, напротив, «этой же весной переехала к дочери, где и живёт доселе»²⁸. Сложно разобраться, какие женщины на самом деле не поделили между собой власть в доме, но ситуация в любом случае была скандальной. И закрыть на происходящее глаза «наверху» не могли. Даже несмотря на то, что остальные обвинения оказались по меньшей мере преувеличением. Занимая должность благочинного, Добровидов действительно брал деньги с причетников и церковных старост, но, как признавал Петр Лавровский, проводивший дознание, «по заведённому издревле порядку» и только «в мае и ноябре месяца при ревизиях, но кажется, невынужденно, и притом столько сколько было угодно причетникам и старостам»²⁹.

Дело в том, что благочинные постоянного жалования не получали, а их расходы были довольно существенными и включали в себя, например, содержание канцелярии, наём рассыльных, разъезды по церквам своего округа и т.д. В таких случаях поборы с вверенных ему для надзора священно- и церковнослужителей были вполне закономерным результатом. И едва ли кто-нибудь мог не осознавать этого. Что касается разговоров о том, что Добровидов заставлял

причетников на своих собственных лошадях развозить пособия сиротам духовного звания, то об этом при расследовании Лавровский не только не смог узнать, но и не слышал ничего, поскольку «богатство приобретено им не здесь, а в прежнем его месте служения... Здесь только носится слух, что оно приобретено незаконным образом, по средствам утайки шкатулки с деньгами, по смерти какого-то бесхозяйного помещика»³⁰. Однако, как тут же добавляет автор донесения, «слух этот ничем здесь не подтверждается»³¹. Возможно, именно последнее обстоятельство, а также необходимость учитывать жизненные условия, в которых существовали клирики, заставили епископа воздержаться от сурового наказания. Предписанием Преосвященного Митрофана от 10 ноября 1869 года священник Григорий Добровидов был «перемещён в село Становое, а на его место определен священник Иван Руднев»³². Предпринятые меры проблему не решили. Уже весной 1870 года благочинный Михаил Серебряников докладывал в канцелярию: «...27 марта сего 1870 года священник Григорий Добровидов выехал из своего дома из села Станового в Станицу Звериноголовую, взял к себе в сани какую-то женщину и привёз её в другое село, что от Станового села в верстах 30. Хотя оба они были закутаны до глаз, священник Добровидов был узнан, а женщина осталась не узнаною, таковые обстоятельства не позволяют сказать, та ли это женщина, что хранила его ключи прежде или кто другая, но священник Добровидов продолжает вести беспутный образ жизни»³³. Естественным следствием этого доклада стало письмо, полное упреков, направленное в адрес Добровидова. После обычных в таких случаях увещаний, напоминаний о «страшном Божьем суде» и призывов к покаянию епископ обещал: «...если подобная нераскаянность и заблуждения продлятся ещё, то с тобой поступлено будет по всей строгости закона»³⁴. В ответном послании Добровидов убеждал епископа в том, что «слухи дошедшие до вас относительно моего поведения ложны», и выдвигал встречное обвинение: «ещё в бытность мою благочинным носились слухи, как и теперь они носят, что священник Серебряников вот уже 15 лет имеет прелюбодейную связь с проживающею в его доме свояченицею... Несмотря на это я никогда не решался на основании носившихся слухов позорить его жизнь. За что на основании одних только слухов так нагло позорит жизнь мою Серебряников?»³⁵. Добровидов неправ в своём возмущении, поскольку благочинный Серебряников в силу своего статуса должен был вести «главнейший надзор» над клириками³⁶. И не до-

нести о случившемся не мог – это было бы расценено как прямое пренебрежение обязанностями, о чем Митрофан с упреком напомнил Добровидову: «если действительно прописанное тобою о священнике Серебряникове то и тут ты не прав, потому что тебе следовало бы давно, ещё когда он находился в благочинии твоём и когда тебе без сомнения стало об этом известно донести об этом»³⁷.

Контроль с помощью доносов, на наш взгляд, негативно отражался на нравственном состоянии духовенства, поскольку подвергал духовное лицо соблазну самому написать жалобу на человека, обвиняющего его. Таким образом можно было запутать дело или совсем отвести от себя подозрения. Мысль о том, что Добровидов может прибегнуть к этому способу, пришла в голову и епископу: «до твоего донесения не слышал ничего я подобного. Притом если бы шла о нём такая дурная слава, то духовенство не избрало бы его благочинным, а быть не может чтобы всё духовенство не знало о его жизни. Посему донесение твоё подозрительно и плодит сомнения, что сам ты будучи нечист вздумал распространить свою нечистоту на ближнего своего»³⁸. Как архипастырь Митрофан дал священнику отеческое наставление: «советую тебе избегать клевет на подобных себе, замечать только себя свои немощи и слабости, что видишь по слову Божьему сучок в очах брата своего, а в своих очах бревна не разглядишь... Не судите, говорит спаситель наш, да не судимы будете, ибо как вы судите, судят и вас, какую вы мерой меряете, таковою и вам мерить будут. Помни крепко слова эти Божьи кайся непрестанно в согрешениях твоих и отдаляйся от них как от яда смертного, который может погубить душу твою и тело»³⁹.

Несмотря на суровую отповедь Добровидову, Митрофан всё же направил встревоженное письмо благочинному: «крайне желательно бы было, если бы недобрый слух о вашем отношении к Земляничной был неверен. Если она своим жительством в вашем доме подаёт людям повод говорить и разносить о вас нелесную славу, то хорошо бы вы сделали, если бы она жила не у вас... Нужно избегать поводов к соблазнению, чтобы не подвергнуть, кого ответственности перед Богом на страшном суде его или что бывает нередко послужить поводом к различным пересудам. Молю Господа сохранить вас от всего дурного и надеюсь на ваше благоразумие, что недобрые слухи о вас претовратительная клевета»⁴⁰. Судя по тону, в котором было выдержано послание, епископ не склонен был подозревать благочинного. Остаётся ощущение, что он стремился пресечь распространение порочащих священника слухов и давал

ему практичный совет, как лучше и быстрее разрешить неприятную ситуацию.

Однако и Серебряников, и его родственники восприняли письмо из канцелярии как обвинение. Между строк рапорта Серебряникова сквозит недоумение и обида: «читая предписание Вашего Преосвященства я до того был поражен такою неожиданностью, что не мог заниматься своею обязанностью. Слезы были от вашей пустой бумаги, хотя и знаю, двигала заботливая любовь Вашего Преосвященства ко мне же»⁴¹. Излагая обстоятельства своей семейной жизни, благочинный писал: «кончив курс семинарских наук, взял за себя сироту и приобрел тещу с двумя прочими дочерьми и малолетним ее сыном. Похоронив жену и оставшись с малолетней сиротой дочерью, мог ли я иметь преступные помыслы в сторону означенной сироты?»⁴². Серебряников даже просил провести «формальное следствие» с тем, чтобы он мог доказать свою невиновность, если епископ не верит его словам. Однако признавал: «последнего я не желал бы потому что зная доносителя по братолюбию жалею его». Все, что ему было нужно – это «уверений от Вашего Преосвященства в невинности моих отношений к означенной сироте и Вашего милостивого уверения, что Вы уверились в несправедливости возведенных на меня клевет»⁴³. Об этом же ходатайствовала и теща Серебряникова. Объясняя своё нежелание покидать дом зятя, она пишет: «по причине вдовства своего зять мой живёт единственно ради дочери своей, которой я необходима как мать, а дочь моя Мария нам помогает. Не могу я оставить зятя моего по чувству благодарности к нему. Он помогал мне при всех скудных средствах своих. Устроил судьбу сына моего священника села Субботина Андрея Земляницына, при помощи его выдана замуж дочь моя за священника села Климово Александра Игуменова»⁴⁴. Совершенно справедливо замечание женщины о том, что, живя с Серебряниковым под одной крышей, она не могла бы не заметить «нескромных отношений между зятем и дочерью»⁴⁵. Её словам вторит младший сын, также давший весьма лесную характеристику зятю: «зять наш после смерти своей жены, а моей сестры оставался к нам таким же прекрасным родственником как и при жизни ея: самым почтительным и преданным сыном нашей матери, самым любящим братом для всех нас, и никогда ни словом ни взглядом, ни намёком не дал нам повода к оскорблению»⁴⁶.

Собранных свидетельств оказалась достаточно. Расставляя точки над «i», Митрофан отправил благочинному письмо: «...уведомляю вас благочинный, что я давно уже знал вас и не сомнева-

юсь в вашем благонравии... В успокоение вас и всех ваших родственников Земляницыных, посылаю всем вам своё архипастырское благословение и прошу Бога, чтобы он избавил вас от злых нареканий в будущем»⁴⁷, а на очередной рапорт Добровидова с обвинениями в адрес Серебряникова и оправданиями собственного поведения⁴⁸ наложил резолюцию: «написать из канцелярии священнику Добровидову, чтобы он не занимался кляузами, и оставил искать способы ниспровергать других. А занимал свою должность, направлял все усилия на должное её исправление и обращал внимание прежде на себя самого»⁴⁹.

Дальнейшего расследования в связи с неблагоприятным поведением священника Добровидова не проводилось. Бездействие объяснялось тем, что разбирательство и даже наказание мало чем могло помочь в данном случае. Можно было, конечно, наложить епитимью, понизить в должности и даже лишить священника сана, но это не решило бы проблему в целом. Жесткий кодекс морально-нравственных норм, которым должно было пользоваться духовенство, очень сложно воплотить в реальной жизни. Тем более что далеко не все представители духовенства на самом деле стремились служить Богу. Как правило, у них просто не оставалось выбора.

Указами от 26 июня 1808 г. и 27 августа 1814 г. было предписано зачислять в духовно-училищное ведомство всех детей духовенства с 6-8 лет⁵⁰. Таким образом, все дети священников были обязаны готовиться к священно- и церковнослужительским должностям. Сами должности окончательно закрывались для всех не обучавшихся в училищах и семинариях. Заставив все духовенство отдавать сыновей на подготовку к церковному служению, нельзя было не принять меры к размещению их на церковнослужительские места.

Только во второй половине XIX века правительство стало предпринимать меры по ликвидации замкнутости духовного сословия. Закон от 22 мая 1867 г. «Об общих средствах призрения для всего служащего при церквях духовенства» отменял наследование должностей священно- и церковнослужителей⁵¹. Согласно закону «Об устройстве детей лиц православного духовенства» (от 26 мая 1869 г.) сыновья клириков могли выбрать для себя гражданскую или военную службу⁵².

Однако, чтобы эти законы начали приносить свои плоды, требовалось время. Кроме того, данные нововведения не касались тех, кто уже был посвящён в сан.

Возможность покинуть сословие у белого духовенства была, но для сложивших сан уста-

навливалось определенное ограничение в правах. Так, лицам белого духовенства, просящим об увольнении, в течение трех месяцев устраивались испытания в решимости покинуть принятое на себя звание, их убеждали не делать этого. С тех же, кто не поддался уговорам, с разрешения Святейшего Синода слагался сан. Сложившим сан запрещалось поступать на какую-либо государственную службу: священникам – ранее 10 лет, дьяконам – ранее шести⁵³. Так что клирики, как правило, оставались на старом месте, часто недовольные своей судьбой. Это приводило к раздражительности и вспышкам гнева священнослужителей, способствовало возникновению конфликтных ситуаций. В результате священники выходили за рамки дозволенного. Должность священника часто передавалась по наследству. Как правило, дети следовали по стопам своих родителей не по зову сердца, а потому что у них фактически не было выбора. Всё это превращало служение в службу и не способствовало нравственному самосовершенствованию. Сословно ограниченный, тесно связанный с приходом, священник на протяжении всей своей жизни должен был преподносить уроки высокой нравственности, демонстрировать образец праведного поведения, активно способствовать духовному совершенствованию мирян. В глазах прихожан священнослужитель сам должен был являться носителем проповедуемых им идеалов, к нему было приковано пристальное внимание всего прихода. Единичный проступок бросал тень на всё духовенство. Эти обстоятельства приводили к тяжёлым психологическим нагрузкам священнослужителей, с которыми справлялись далеко не все.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белова Н.В. Провинциальное духовенство в конце XVIII-начале XX вв.: быт и нравы сословия: на материалах Ярославской епархии. Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. 266 с.; Васина С.М. Приходское духовенство Марийского края в XIX - начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2003. 361 с.; Калашиников Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX - начала XX века. (На материалах Курской епархии). Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 189 с.
² Беллостин И. Описание сельского духовенства в России // Русский заграничный сборник за 1858 год. Берлин: Изд-во М.И. Погодина, 1859. С.350-386.
³ Елагин Н.В. Русское духовенство. Берлин: Типография Карла Шульгце, 1859. 373 с.
⁴ Митрополит Антоний (Храповицкий). Нравственность чёрного и белого духовенства. Ответ М.О. Меньшикову // Сила Православия. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С.148-164.
⁵ Грекулов Е.Ф. Нравы русского духовенства. М.: Атеист, 1928. 40 с.

⁶ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.; Леонтьева Т.Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861-1904 гг.) // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2000. С.34-56; Леонтьева Т.Г. Жил был поп... Духовенство в российской повседневности // Родина. 1999. №11. С.42-47.
⁷ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Востоковедение: СПбГУ, 2007. 311 с.; Скитнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. №16 (2). С.63-77.
⁸ Полный годичный круг кратких поучений. В 4-х томах / Сост. протоиерей Г. Дьяченко. М.: Благовест, 2012. Т.1. С.3.
⁹ Протоиерей В.Г. Певцов. Лекции по церковному праву. Саратов: Издательство Саратовской епархии, 2004. С. 51.
¹⁰ Краткое учение о богослужении православной церкви / Сост. А.М. Рудаков. М.: BOOK CHAMBER INTERNATIONAL, 1991. С.3.
¹¹ Калашиников Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX - начала XX века (На материалах Курской епархии)... С.47.
¹² Протоиерей В.Г. Певцов. Лекции по церковному праву... С.52.
¹³ Полное Собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т.VI (1720-1722). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. №4022 (в последних числах апреля – начале мая 1722 г.). С.699.
¹⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.174. Оп.1. Д.30. Л.20.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Там же. Л.20об.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же. Л.21.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же. Л.21об.
²¹ Там же.
²² Там же. Л.21об-22.
²³ ГАОО. Ф.174. Оп.1. Д.32. Л.1-1об.
²⁴ Там же. Л.2-2об, 32.
²⁵ Там же. Л.2.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же. Л.2об.
³⁰ Там же. Л.32.
³¹ Там же.
³² Там же. Л.32 об.
³³ Там же. Л.3, 22.
³⁴ Там же. Л.21.
³⁵ Там же. Л.5.
³⁶ Устав Духовных Консистолий. СПб.: Синодальная типография, 1843. С.18.
³⁷ ГАОО. Ф.174. Оп.1. Д.32. Л.6.
³⁸ Там же. Л.6.
³⁹ Там же.
⁴⁰ Там же. Л.7-7об, 18.
⁴¹ Там же. Л.8.
⁴² Там же.
⁴³ Там же. Л.8об, 17.
⁴⁴ Там же. Л.9.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Там же. Л.10.
⁴⁷ Там же. Л.11-11об.

⁴⁸ Там же. Л.11-12.

⁴⁹ Там же. Л.12.

⁵⁰ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра Великого. Казань: Университетская типография, 1873. С.111.

⁵¹ Полное Собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т.XLII. (1867). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канце-

лярии, 1871. №44610 (от 22 мая 1867 г.). С.797.

⁵² Полное Собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т.XLIV. (1869). СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. №47138 (от 26 мая 1869 г.). С.521-522.

⁵³ *Чистик В.В.* Правовой статус духовенства. По законодательству Российской империи // Закон и право. 2008. №5. С.120.

**«...I HOPE... THAT BAD RUMORS ABOUT YOU
ARE THE MOST DISGUSTING SLANDER»:
SOME WORDS ABOUT MORALITY OF PAROCHIAL
ORTHODOX PRIESTHOOD OF ORENBURG EPARCHY**

© 2014 A.G. Fot

Orenburg State Pedagogical University

The article discussed the question about morality of parochial Orthodox priesthood of Orenburg eparchy in 1860-70s and is based on analysis of some definite cases. On the base of the studying the archival documents, the author scrutinizes the possible reasons of dissolute behavior of priests. The research represents a part of the study of everyday life and activities of provincial parochial Orthodox priest.

Key words: everyday life; parochial Orthodox priesthood; Orenburg eparchy; behavior; morality.